

К ЭВОЛЮЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ФЕНОМЕНЕ СОЗНАНИЯ

В статье рассматриваются основные концепции, пытавшиеся объяснить феномен сознания на протяжении истории философии. Автор доказывает, что сама проблема сознания в философии имеет два уровня своего решения. Первый уровень заключается в описании способов, каким вещи даны в сознании, существуют в нем. Второй имеет цель объяснить, как возможно само сознание. В первом случае ставится задача описать феномен сознания, во втором – объяснить его.

Человек уверенно выделяет себя из царства животных, возводя основным критерием отличия себя от «братьев меньших» сознание. Это божий дар человеку – лишь в сознании сам себе человек дан как «Я», в сознании человек устремляется к вершинам духовного бытия, сострадания и радости. Человеку дан мир и переживание этого мира, даны чувства и мысли, и все это проходит через сознание. Сознание сопутствует человеческому освоению мира, оно входит во все, что мы воспринимаем как данность. Чтобы войти в состояние сознания, недостаточно переживать и чувствовать. Состояние сознания – это «я мыслю, что я мыслю», «я переживаю, что я переживаю», «я знаю, что я знаю или же ничего не знаю». Тем самым, сознание, свойственное человеку, – это сознание, в котором ему одновременно доступен и мир, и он сам. Сознание соотносит, связывает то, что человек увидел и услышал, с тем, что он почувствовал, подумал, пережил.

Однако подавляющее число мыслителей всерьез полагают, что сознание – это «проклятый дар». Возможно, без этого дара человек был бы счастливее. В сознании дано не только все знание о мире (наука), вся радость мира (философия), но и вся боль мира (религия). Не случайно, чтобы снять душевную или физическую боль, человек на какое-то время отключает порой сознание с помощью наркотиков, алкоголя. Именно поскольку у человека есть сознание, он способен к душевному страданию. Животные не знают самоубийства, это чисто человеческий акт. Н.А. Бердяев также считал, что сознание дано людям, чтобы они испытали муки души, потерявшей единение с Богом. Также и у Плотина есть один момент в интерпретации сознания, который выражает отпадение человека от вечности. Акт сознания знает время, знает, что что-то было «до» сознания. Вечность – высшая ценность, время – это тлен, бренность. Бытие во времени, то есть в сознании, менее подлинно, чем бытие в вечности. Сознание всегда лишь догоняет уже слу-

чившееся, важное и не может его догнать. Когда есть единство с Богом, то сознания нет, оно опаздывает на встречу. Состояние сознания – это следствие отпадения от Бога, следствие греха человека. Сознание сознания должно смирить человеческую гордыню, поскольку напоминает человеку, что не следует возносить свою способность быть сознательным. Сознание также не дает человеку забыть, что в каждом мгновении жизни присутствует смерть. Чем старше становится человек, тем глубже и ярче осознает он трагизм современности. Помимо этого, сознание зачастую замедляет интенсивность деятельности. Ум не нуждается для своих действий в сознании. Сознание – отблеск ума, отображение процессов мышления, а потому уменьшает энергию ума, мешает своим отблеском ему. Кроме того, сознание напоминает человеку, что человек не только природное, но и духовное существо. Сравнивая в сознании состояния Божественного экстаза с состоянием телесных потребностей и отпавлений, человек начинает стыдиться своих природно-телесных свойств и влечений. Пока Адам жил в Духе, он не знал стыда. Стыд – оповещение об отпадении человека от вечности и Бога, оповещение о сознании. Сознание – это обреченность человека на выбор: духовность или телесность? В таком выборе – тяжесть одного из противоречий человеческой жизни, и сосредоточена эта тяжесть в сознании. Гегель отмечал способность сознания выносить напряжение противоречий жизни, а Э.В. Ильенков писал, что «вся боль мира существует, особенно, только в сознании».

Не претендуя на однозначное решение вопроса – во благо ли дано нам сознание, сама проблема сознания в философии имеет два уровня своего решения. Первый уровень заключается в описании способов, каким вещи даны в сознании, существуют в нем. Второй – имеет цель объяснить, как возможно само сознание. В первом случае ставится задача описать феномен сознания, во втором – объяснить его.

Описать сознание весьма трудно, поскольку сознание не существует как отдельный предмет или вещь. Сознание – предмет неуловимый, нематериальный. Нам все дано благодаря сознанию, и в каждом восприятии, ощущении, образе, без нашего на то согласия, а тем более контроля, существует сознание. Отделить сознание от этой «содержательной связи» не удается, сознание не существует вне этой связи.

В разные эпохи по-разному описывали сознание, но от того, как его представляли, зависел образ мира, понимание людьми нравственности, политики, искусства, ибо сознание всегда «вплетено в язык реальной жизни» (К. Маркс).

Философы античности поняли, что сознание есть всеобщая связь между объектом и субъектом. Они использовали метафору печати на воске для описания сознания. Эту метафору применяли Платон и Аристотель. Как буквы отпечатываются на дощечке воска, так объект отпечатывается на «дощечке разума». Однако метафора закрепила лишь направленность сознания на объект. Но эта метафора не передавала умение человека сосредотачиваться внутри себя, направлять свое внимание на внутренний мир. Древние греки жили Космосом, вещами и философствовали о внешнем мире, о нем вырабатывали идеи. Слово «идея» этимологически означает «видимую фигуру», «внешний вид».

Греки были уверены, что предмет зрения существует до того, как он увиден, и продолжает существовать в таком же виде и после акта его восприятия; что разум существует как вещь, а потому остается разумом, даже если в этот момент и не мыслит. Считалось, что разум и объект существуют независимо друг от друга, а в момент их встречи объект оставляет след на «поле» разума. Но след отражает только внешность вещей. Не было еще и речи о личности. Платон, как отметил Ортега-и-Гассет, предпочитал говорить чаще «мы», чем «я». Грек не был приучен сосредотачивать внимание на себе самом и своем внутреннем мире. Так и ребенок говорит о себе в третьем лице примерно до трех лет, т. е. ребенок относится к себе как объекту и все его внимание сосредоточено на внешнем для него мире. Такое поведение биологически обусловлено инстинктом самосохранения. Грек говорит о душе, но приписывает душу животным и вещам. Даже римляне, веруя в богов, не предавались внутреннему вдохновению, а выполняли форму культа. Главным было – выполнить все правила молитвы, и Бог поможет.

Потребность обращать внимание на собственные переживания отмечена в культуре христианства. Возникла потребность общаться с трансцендентальным Богом. Практика такого общения – молитва. В ней человек должен был отключиться от потока жизни, диктата тела, погрузиться внутри себя. Грек разговаривал с Богом телодвижениями, а христианин – душой. Душа – то, что истинно существует, когда остается без телесного мира, освобождается от него. Христианство открывает одиночество как сущность души. Аврелий Августин говорит: хочу знать Бога и душу, и ничего больше, равным счетом ничего. Открытое одиночество души было одиночеством особого рода – в Боге и с Богом. Молитву всегда сопровождают душевные переживания. Вот эти-то душевные переживания и становятся предметом внимания средневековых философов, которые начали искать формы и способы их выражения. Античность таких форм не выработала. Наряду с молитвой возникла практика исповеди, стимулировавшей умение совершать самоанализ, нравственный самоотчет.

Пытаясь найти способы выражения религиозных переживаний, средневековые мыслители открыли новую грань проблемы сознания: сознание – это не только знание о внешнем мире, но прежде всего знание о собственном духовном опыте, его содержании. Заложил основы проработки темы духовной сущности Плотин. Плотин не только обнаружил духовный опыт, но и попытался рассказать о его содержании. В духовном опыте он выделил три уровня. Первый – высший, где происходит отдохновение в Божественном. Чтобы выйти на этот уровень, надо, учил Плотин, пробудиться от своего тела, прийти к самому себе, стать недостижимым для внешнего мира. Именно так можно приобщиться к красоте, исполненной величия, испытать блаженство слияния с божественной простотой, прожить лучшие моменты своей жизни. Но долго находиться в таком состоянии человек не может и с необходимостью опускается на второй уровень – рефлексии и рассуждения. Это уровень, на котором человека одолевает многообразие чувств, мыслей, помыслов, связанных с жизнью «по стихиям мира сего». Третий уровень – низший. Здесь господствуют инстинкты и страсти.

Каково же место сознания в структуре духовного опыта? Самое непосредственное. По мнению Плотина, сознание как бы возмещает

нашу недостаточность, нашу несостоятельность, проявляющуюся в том, что нам не дано постоянно пребывать в состоянии Божественной простоты. Если бы мы могли это делать, то жизнь духа стала бы нашей жизнью. Сознание – это какой-то центр между двумя теневыми зонами: безмолвной, не осознающей себя жизнью нашего «я» в Боге, и молчаливой, бесознательной жизнью нашего тела.

Человек имеет божественно-духовную сущность, и для того, чтобы стать тем, что он есть, он должен ощутить, пережить жизнь своего «я» в Боге, т. е. побывать на высшем уровне своего духовного опыта, прикоснуться святости. С точки зрения Плотина, у всех людей есть способность выйти на высший уровень самих себя, на уровень Божественной мысли нашего «я», ибо до своего рождения мы были частицами духовного мира, не отделенными от него. Пробудить в себе духовное начало очень трудно, ибо занятые заботами о земных делах, о телесном, мы слабо ощущаем в себе жизнь Духа. Мы не всегда умеем отгородиться от всякого постороннего шума, от телесных желаний, для того, чтобы наша душа могла остаться наедине с Богом. Однако на высших уровнях духовного слияния, духовной простоты, где нет ни чувств, ни эмоций, ни мыслей, там «я» погружается в состояние безмолвия: оно просто пребывает в высшем мире, безмолвно переживая лучшие минуты жизни.

Однако здесь возникает парадокс: когда «я» находится в состоянии своего единства с Божественным, оно не обладает собой, не выделяет себя, забывает о себе, а потому не рефлектирует, не рассуждает, не самосознает свои состояния. Но в тот миг, когда «я» делает предметом своего рассмотрения свое пребывание в состоянии Божественной простоты, его там уже нет. Другими словами, чтобы рассказать об этом состоянии, «я» должно выйти из него, покинуть его, перейти на средний уровень рефлексии и рассуждения, где оно уже знает себя, знает, что оно знает. На его долю остается теперь только воспоминание о состоянии отдохновения в Божественном. Это воспоминание и есть сознание. Оно не реальность, а отражение того, что случилось на высшем уровне.

Сознание есть не только воспоминание, но и попытка зафиксировать его содержание в языке. То есть сознание – явление духовного, явление того переживания, которое испытал человек, поднявшийся на уровень Божествен-

ной простоты. Но языковые средства и метод рефлексии не в состоянии полностью и адекватно передать состояние отдохновения в Божественном. Отсюда рождается осознание человеком своей беспомощности.

В целом такого рода понимание считает, что сознание – это странная способность человека, поскольку она направляет внимание человека не на внешние, а на внутренние духовные переживания. Вряд ли бы античный грек понял Плотина. Трактовки сознания оказались прямо противоположными. Но Плотин не понял бы Фрейда.

Отметим, что Плотин не знает личности Бога, не знает личного к нему отношения. Христианин Аврелий Августин даже в экстазе, когда ему кажется, что его «я» больше не отличается от Бога, знает, что Бог – это господин, а он, христианин, – его раб. Природа Бога недосыгаема. Достигая соединения с Богом по благодати, христианин не смешивается с ним.

Новое время вошло в историю под знаком того события, которое Ницше выразил в афоризме «Бог умер». Что означает эта зловещая весть? Идея Бога – это цивилизационная структура, которая задавала меру объяснения мира и жизни отдельных людей в целом, не давала людям погрузиться в пучину инстинктов, требовала от людей строить свое бытие по типу должного, т. е. выходить за рамки сиюминутных материально-экономических интересов и потребностей. Отказ от идеи Бога означал неизбежное изменение способа человеческой жизни, изменение понимания содеянного, оценок и осмыслений. Человечество отпало от Вечности, перестало соотносить с ним свои мысли, чувства и действия. Человек сам захотел стать Богом на земле, царем природы. Он абсолютизировал свою индивидуальность. Тем самым, прежний механизм формирования сознания был сломлен. В сознании не оказалось места для того высшего уровня, который Плотин называл Божественной простотой, отдохновением в Божественном.

Человек отказался признавать свою принадлежность двум мирам: миру земному и неземному, стал объяснять свое происхождение только через природную эволюцию, только от обезьяны. В.С. Соловьев и Н.А. Бердяев указывали на противоречие нигилистического подхода – с одной стороны, человек соглашается на свое плебейское происхождение – от обезьяны, а с другой, приписывает себе спо-

способность в своих делах сравняться с Богом. Названное противоречие В.С. Соловьев зафиксировал в высказывании: люди произошли от обезьяны, а потому надо любить друг друга. Так можно ли вывести любовь из обезьяньей породы? Русские философы назвали самовозвеличивание субъекта метафизикой индивидуализма и эгоизма.

Итак, в Новое время средневековое понимание сознания осталось не востребуемым. Появилась новая популяция людей, которые потеряли способность мистического единения с Богом, они с энтузиазмом воспринимали любую рациональную конструкцию. Люди стали искать опору для себя в классической древности, однако начали сомневаться в натуралистическом объяснении сущности сознания, в метафоре дощечки. Началась критика античного образа сознания. Ставились вопросы: а может быть, отпечаток в сознании есть просто галлюцинация? Соответствует ли образ реальному объекту? Сомнение в существовании строгой и адекватной корреляции между образом предмета в сознании и предметом вне сознания стало исходным пунктом декартовской модели сознания. Единственным подлинным существованием вещей Декарт признавал существование их в мысли.

Мысль перестала быть божественной, а стала интерпретироваться как состояние личности, субъекта. Предполагалось, что человеческая мысль сама себя порождает и сама себя детерминирует. Возникла новая метафора сознания. Это некий сосуд, в котором содержатся идеи и образы до того, как они включаются в общение с миром. Ортега-и-Гассет так сформулировал эту метафору: «Вещи не входят в сознание извне, они содержатся в нем как идеи». Такое учение было названо идеализмом, в отличие от античного реализма. Единство античности и Нового мира состояло в том, что сознание сводилось к предметному миру. У сознания не было связи, духовного единения с Божественным. И, тем не менее, духовный опыт, навыки работы с внутренним миром, что выработало Средневековье, были сохранены. Умение человека обращать внимание на свой внутренний духовный мир стало основой новоевропейской культуры. Был сделан вывод: сознания нет без самосознания. В акте самосознания сознание знает само себя, проясняет свое содержание, структуру.

В Новое время произошло реальное изменение структуры духовности. Декарт обратил

внимание на тот уровень духовной жизни, который Плотин называл уровнем рефлексии и размышления. На этом уровне бога в Душе уже нет. Человек занят проблемами внешнего объективного мира. Сознание стало средством обнаружения объективно-природного мира, средством доказательства его существования. Если античность делала упор на восприятие – воздействие внешнего мира на мир внутренний, то Новое время сделало упор на воображение. В воображении сознание вызывает предметы к жизни. С помощью воображения сознание творит и конструирует предметы, разбирает их на части, идеализирует их, соединяет и разъединяет. Содержание сознания приходит к нам не извне, а мы его извлекаем из собственных глубин.

Наиболее глубоко проработал проблему сознания Иммануил Кант. С его точки зрения, в сознании человека наличествуют особые, непосредственные данные знания о чем-то как о целом. Получить такого рода знания нельзя с помощью познавательных актов, совершаемых индивидом даже в течение всей жизни. А они, эти знания, присутствуют в нас, и мы их обнаруживаем, как только начинаем сознавать себя. Значит, они даны нам априори. В нас уже есть знание, что мир пространственен и временен, причинно обусловлен, что в мире есть добро и зло. Эти непосредственно существующие в нас знания составляют условия возможности нашего познания как внешнего мира, так и нас самих. Когда человек осознает себя как «я», то он имеет дело уже с каким-то содержанием своего внутреннего мира, у него уже есть способности к логическому мышлению, к языку, он может делать выбор, чувствовать красоту.

Основанием наших знаний выступает форма сознания, или, на философском языке, трансцендентальное единство апперцепции. Другими словами, форма сознания предшествует всем другим знаниям. Если у Декарта первоначальным является «я мыслю», то у Канта «я мыслю» уже существует и работает в структуре человеческого сознания. Тем самым, с помощью сознания как условия возможности познать мир, мы, по Канту, творим мир на уровне явлений, т. е. на уровне его какого-то определенного, зависящего от структур нашего сознания понимания. Сознание – это творчество. Изучая мир, мы вкладываем в содержание проводимых с ним исследований какие-то параметры, которые принадлежат нашему сознанию. Человек творит

мир на уровне явления. После Декарта, Лейбница и Канта была признана участность (от слова «участие») сознания в бытии. Декарт заложил основы отождествления сознания и души с предметно-логическим содержанием. Религиозные и мистические компоненты опыта были утрачены, в них восторжествовали правила логики. Поскольку была признана участность сознания в конструировании мира явлений, то возникло убеждение, что весь мир и все вещи созданы и существуют по правилам логики. Отсюда родилась нацеленность сознания: переделать все, улучшить все в соответствии с этой логикой. Сознание, имеющее практическую направленность, стали отличать от познания. Люди создали образ мира, соответствующий структуре их духовного опыта. Человек «принужден» был «жить в тех категориях, в которых он мыслит» (Л. Шестов). Мыслит же он в категориях не экзистенциальных, а логических. Таково было миропонимание. Ибо каково сознание, таково и бытие человека, и наоборот.

Лишь в XX веке философы и естествоиспытатели выделили вопрос о возможности сознания в самостоятельную проблему, то есть попытались объяснить сознание, а не описывать его шаги – ощущение, восприятие, представление и т. д. Для этого необходимо ответить на вопрос: как и почему эти «шаги» мгновенно сворачиваются в образ и возникает связь человека с миром и с самим собой. Оптимизм в попытках решения скорее тайны, чем просто проблемы связан с последними успехами естественных наук. В рефлекторной теории Сеченова – Павлова материалистическая концепция психики как функции мозга наполнена конкретным научным содержанием и стала методологической основой современной нейрофизиологии.

Несмотря на все прогрессивные концепции в решении проблемы сознания, многие вопросы и по сей день остаются за гранью человеческого понимания. А значит, горизонты дальнейших решений по праву принадлежат философии.